

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Л.И. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Историческая русистика: антропологический аспект

Аннотация: В статье предложена разработка двух современных (антропологических) подходов к исследованию древнего текста – лингвоперсонологического и коммуникативного. В качестве материала для анализа исторической языковой личности избраны списки пяти редакций одной из основных сибирских летописей – Есиповской. Проблемы исторической коммуникативистики рассматриваются на материале новгородских берестяных грамот.

In the article it is offered the development of two modern approaches to the research of ancient text – lingvopersonological and communicative. For the analysis of historical linguistic personality it was taken the lists of five versions of one of the main Siberian chronicles – Esipovskoi. The problems of historical communicativistics are examined on the basis of the material of novgorodskii birch bark diplomas.

Ключевые слова: историческая русистика, лингвоперсонология, языковая личность, коммуникативистика, древний текст.

Historical Rusistics, lingvopersonologiya, linguistic personality, communicativistics, ancient text.

УДК: 811.161.1:572.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366379. E-mail: lshelepova@yandex.ru.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что «к сожалению, значительные успехи, которых достигла русистика в области семантики и коммуникативистики, почти не находят отражения в работах, посвященных изучению истории языка. Между тем, современные методы исследования, имеющие несомненную объяснительную силу, крайне важны именно для диахронического описания: истолкование текста является одной из главных задач историка языка» [Савельев, 2009, с. 31]. Настоящая статья посвящена разработке двух современных (антропологических) подходов к исследованию древнего текста – лингвоперсонологического и коммуникативного.

Историческая лингвоперсонология

Категория русской языковой личности, введенная в научный обиход более двадцати лет назад Ю.Н. Карауловым, несмотря на множество исследований в данной области, все же на сегодняшний день недостаточно изучена. Дело в том, что данная категория рассматривается в основном на синхронном материале, с использованием текстов, продуцированных современным носителем русского языка¹. Хотя еще в 1987 г. Ю.Н. Караулов в монографии, посвященной русской

¹ Исключения составляют работы Д.В. Аникина [Аникин, 2004], Н.С. Бондарчук, Р.Д. Кузнецовой [Бондарчук, Кузнецова, 1997], Н.И. Гайнуллиной [Гайнуллина, 2001], А.В. Михайлова [Михайлов, 1997], О.В. Поповой [Попова, 2004].

языковой личности, в качестве актуальной рассматривал задачу изучения *эволюции русской языковой личности*. По предположению автора, эта задача может решаться «путем последовательного сравнения полного описания организации и функционирования типовых индивидуальностей разных эпох» [Караулов, 1987, с. 164]. Насущность данной задачи определила наше обращение к исследованию структуры диахронической языковой личности – носителя русского языка древних периодов. При этом с неизбежностью встал вопрос о методике описания языковой личности в историческом аспекте.

В современной русистике известны два основных способа реконструкции языковой личности: 1) прямой, т. е. путем ассоциативного эксперимента; 2) непрямой, в результате анализа произведенных личностью текстов, т. е. на основе ее дискурса [Там же, с. 107]. Первый путь для нас, естественно, оказался неприемлемым, поскольку мы не можем предложить языковой личности прошлых эпох анкеты со стимулами и ожидать на эти стимулы соответствующей реакции. Остается второй путь – анализ текстов. Однако такой путь таит в себе определенные ограничения. Опыт работы с современными текстами показывает, что таким путем надежно восстанавливается состав языковых средств, используемых личностью, но не языковая личность как «многослойный, многокомпонентный, структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения» [Там же, с. 71]. Считаем, что исследователь древних текстов может преодолеть это ограничение, если он при реконструкции языковой личности прошлых эпох обратится к текстам, много раз на Руси переписывавшимся и дошедшим до нашего времени по этой причине во многих списках. Разумеется, мы не должны при этом забывать о тех обстоятельствах, которые сковывали проявление индивидуальности в языке (на них уже давно обращено внимание): это «жесткая традиционность письменного языка старшей поры, каноничность ее текстов, ритуальность, связанная с созданием произведения, наконец, подражательность, возведенная в идеал» [Михайловская, 1980, с. 124]. Но за всем механизмом языковой системы, за каждым текстом стоял реальный, некогда существовавший автор, языковая личность, владеющая системой языка. Лексические замены (разночтения), которые выявляются при сличении, сопоставлении разных списков, вариантов одного и того же текста, «дают возможность судить и о принадлежности автора, писца, редактора к определенной диалектной группе, и о его склонности к употреблению «высоких» слов или, напротив, о стремлении, пусть робком и непоследовательном, ввести в общелитературный оборот слова простые, разговорные и тем хотя бы немного демократизировать древнерусскую книжность, и о творческом поиске древнерусских эквивалентов греческой лексики» [Там же] и некоторых других проявлениях языковой компетенции древнего книжника.

Итак, решение вопроса об организации (модели) языковой личности в древние периоды возможно путем анализа текстов, сохранившихся в нескольких списках, ибо та или иная лексическая замена, допущенная книжником (писцом, автором, редактором) при переписывании текста, есть индивидуальная реакция его (книжника) на стимул – образец протографа. Важным при этом представляется привлечение списков с установленными генеалогическими взаимоотношениями между ними и созданных в одну эпоху (т. е. списков, близких текстологически и хронологически). Последнее условие (хронологическая близость списков) определяется тем обстоятельством, что любая языковая личность – это продукт и средоточие социальных, культурных и исторических законов данного социума [Ростова, 1997, с. 167]. Таким образом, предпосылкой анализа языковой личности по древним текстам является текстологический анализ памятника, который может провести сам исследователь-лингвист, либо он может воспользоваться уже имеющимися результатами текстологической классификации, осуществленной до него опытными текстологами.

В настоящее время существует немало древних текстов, отвечающих названным требованиям и способствующих, в связи с этим, более или менее адекватной реконструкции языковой личности той или иной исторической эпохи. Нами в качестве материала для анализа языковой личности русского книжника избраны списки пяти редакций одной из основных сибирских летописей – Есиповской, составленной в 1636 г. дьяком Тобольского архиепископского дома Саввой Есиповым на основании ряда источников и хорошо изученной в текстологическом отношении. Основное содержание Есиповской летописи составляет развернутое повествование о походе Ермака и укреплении русских в Сибири. Причем присоединение Сибири к Русскому государству трактуется как факт, предопределенный божественным провидением. Отряд Ермака представляется летописцу «мечом обоюдоострым», выполняющим божественную миссию [ПСРЛ, 1987, т. 36, ч. 1, с. 6].

В результате пословного сопоставления списков Есиповской летописи разных редакций (Основной, Забелинской, Лихачевской, Абрамовского и Титовского видов) было выявлено около 100 лексических различий, которые представляют собой лексемы, заменяющие друг друга в соотносящихся местах текста и репрезентирующие, на наш взгляд, в основных чертах собирательную языковую личность – групповой языковой портрет книжников, переписывавших и изменявших летопись на протяжении XVII в. Языковая личность, таким образом, здесь представляется не как конкретное лицо, говорящий (пишущий) человек, а как инвариант, тип, репрезентирующий определенный языковой коллектив [Ростова, 1997, с. 167].

Основываясь на концепции трехуровневой организации языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987] и используя в качестве инструмента для анализа лексические замены, представим основные черты языковой личности русского книжника XVII в. как коллективного автора Есиповской летописи в ее редакциях и списках.

Лексикон (а через семантику в лексиконе – и тезаурус) языковой личности в данном случае представляют лексические замены, находящиеся друг с другом в семантико-парадигматических отношениях и отражающие разные виды связей в лексико-семантической системе русского литературного языка XVII в. Это связи **синонимические** (*юный – молодой, оскудевати – умялятися, обагритися – очервитися, время – година, кумиропоклонение – идолослужение, тмочисленно – многочисленно, храбрость – смелость, брань – сеча, дружина – товарищи, вьити – вьпасти, запрещати – возбраняти, поборник – помощник, поставити – построи, брань – бой, мужески – крепце, преити – преминути, полъ – страна, пожинати – потинати, часть – жребии, кроника – история, власть – область и др.*); **гипонимические** (*воины – люди, воинъ – казакъ, пищаль – ружье, пищаль – карабинъ, дождь – ветеръ, мулла – мурза – абызь*); **тематико-ситуативные** (*поле – земля, молитва – жертва*) и некоторые другие. Преобладают в анализируемом лексиконе связи синонимические. И это не случайно, поскольку именно синонимия представляет собой яркий пример «индивидуального человеческого подхода к явлениям мира и средствам их языкового выражения» [Колшанский, 1990, с. 95]. Направленность большинства синонимических замен (книжное слово заменяется разговорным и наоборот) обусловлена общими тенденциями стилистической обработки разными авторами Есиповской летописи Основной редакции: или «окниженное распространение» первоначального текста (в Титовском виде), или же, напротив, упрощение книжных цитат из Хронографа и Библии и приближение по стилю к устно-поэтической системе художественных средств (в Забелинской редакции) [ПСРЛ, 1987, т. 36, ч. 1, с. 16–17].

Если структура лексикона языковой личности определяется в первую очередь связями и отношениями, существующими в языковой системе, то организация прагматикона зависит во многом от доминант сознания языковой личности,

ее целей, установок, интенций. Анализ ряда лексических замен в исследуемом памятнике позволяет утверждать, что ведущими в сознании русского книжника XVII в. были доминанты, обусловленные историческими событиями и обстоятельствами того времени: национальная (в связи с подъемом национального самосознания), идеологическая (укрепление идеологии самодержавия и великодержавности), религиозная (связанная с трагическими событиями в жизни русской церкви). Ограниченные рамки статьи позволяют привести анализ лишь некоторых лексических замен, представляющих жизненные и ситуативные доминанты, установки, цели и мотивы, т. е. отражающих прагматикон языковой личности русского книжника XVII в., человека своего времени, живо откликающегося на все происходящее в его Отечестве.

Агаряне (ОР, ЛР, ТВ, ЗР) – **бусурмане** (АВ): *Прославиша же бога, давшего им победу на окаянных идолопоклонник и агарян, и радость радующеся* (л. 88 об.)¹.

С лингвистической точки зрения заменяющиеся лексемы являются синонимами и передают общее для них значение – «мусульмане» (т. е. «исповедующие ислам; иноверцы, не христиане»). Однако чисто лингвистическая интерпретация лексической семантики не объясняет до конца мотивы разного словоупотребления. Здесь мы встречаемся с тем случаем, когда, помимо собственно лексической семантики, необходимо описать коннотативную семантику, т. е. область «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т. п. «созначений» [Толстой, Толстая, 1993, с. 162]. «Неверие» сибирских народов в большинстве списков Есиповской летописи подчеркнуто книжным, встречающимся в Библии термином – *агаряне*. Так в книгах Ветхого завета именовались потомки Измаила, сына Агари-египтянки, жившей в семействе Авраама и Сарры в качестве служанки. Агаряне, как следует из Священного писания, жили во время занятия евреями Земли Обетованной в восточной стороне Палестины между Галаадом и Ефратом. Более обычным наименованием иноверцев на Руси было слово *басурманъ* (*бусурманъ*, *бесурменинъ*, *бесерменинъ*), встречающееся уже в Ипатьевской летописи под 1184 г. и заимствованное из тат., казах. *musulman*, тур. *müslim*, *müslümân*, народ. *müsürman*. Источником этих слов является перс. *muslimân* (мн.) из араб. *muslim* [Фасмер, 1964, т. 1, с. 132–133] – «исповедующий ислам», от глг. *salima*, *salām* – «быть свободным», «быть невредимым», «предаваться (воле божией)» [Черных, 1994, т. 1, с. 77]. Заменяя библейский термин *агаряне* на разговорный эквивалент *бусурмане*, автор Абрамовского вида хотел, вероятно, подчеркнуть, что речь в летописи идет о конкретном народе, пришедшем из дикой степи, а не из ветхозаветных времен.

Во утробах (ОР, ЗР, ТВ) – **во устех** (АВ): *И яко копейные сулица имеяше во утробах, ибо вооружишася собою крепце и вси дышающе гневом* (л. 85).

Русские воины внушили такой ужас татарам, что тем показалось, будто они слиты воедино с оружием. Здесь налицо влияние такого прецедентного текста культуры, как Библия. Ср.: *...Яко меч обоюдоостр исходяще из уст его* (Новый завет. Откровение святого Иоанна Богослова). В Библии эта характеристика относится к непобедимому войску божьему – ангелам. Автор Абрамовского вида Есиповской летописи («Яко копие имеюще во устех своих») данной аллюзией хочет подчеркнуть непобедимость русского войска. Ориентация на прецедентные тексты культуры, главным из которых для русского книжника XVII в. была, безус-

¹ В статье приняты следующие условные сокращения названий редакций Есиповской летописи: ОР – Основная редакция, ЛР – Лихачевская редакция, ТВ – Титовский вид, ЗР – Забелинская редакция, АВ – Абрамовский вид. Контекст во всех случаях приводится по списку Основной редакции, для списков остальных редакций – разночтения. При определении семантической структуры заменяющихся лексем привлекались данные исторических словарей [Срезневский, 1958; СлРЯ XI – XVII вв.].

ловно, Библия, является характеристикой, представляющей, по Ю.Н. Караулову, высшие уровни языковой личности, – тезаурус и, в особенности, прагматикон, поскольку «введение в дискурс прецедентных текстов <...> всегда отражает выход за рамки обыденности, повседневности, ординарности в использовании языка» [Караулов, 1987, с. 241].

Окаянный (ОР, ТВ, АВ, ЗР) – **безбожный** (ЛР): *божию помощь прияха на окаянных бусорман* (л. 79 об.).

Прилагательное *окаянный* в древнерусской письменности (начиная с XI в.) употреблялось в значениях: «несчастный, жалкий, грешный», «печальный», «проклятый, отверженный церковью». С этимологической точки зрения оно представляет собой образование от глагола *окаяти* – «осуждать», «оплакивать». Ср. также: *каяти* – «порицать», *кайтися* – «сознавая свою греховность, приносить покаяние» [Черных, 1994, т. 1, с. 594]. *Окаянный* – это тот, кто знает истинного бога, но нарушает его заповеди, пребывает в грехе (ср. эпитет *окаянный* сына киевского князя Владимира – Святополка, убившего своих братьев и, следовательно, нарушившего одну из божьих заповедей – «Не убий!»). *Безбожный* – это «не знающий бога, языческий, не христианский». В лексическом значении данного слова отсутствует сема жалости, христианского сострадания к «заблудшей овце», которая присутствует в семантике прилагательного *окаянный*. Заменяя слово *окаянный* на слово *безбожный*, автор Лихачевской редакции вносит уточнение: нельзя называть бусурман *окаянными*, так как они язычники; они никогда не отступали от бога, потому что они его не знают. Бусурмане – безбожники, «ибо нет бога в сердце их».

Держава (ОР, ТВ, АВ, ЗР) – **область** (ЛР): *Слышав же царь Кучюм <...> вскоре посылает во всю свою державу* (л. 82).

Мотивом для данной замены явилось, видимо, то, что, по мнению составителя Лихачевской редакции, татарское ханство в Сибири (осколок Золотой Орды) было не державой (таковой являлась Россия), а лишь уделом, княжеством. Таким образом, здесь отчетливо проявляется интенция умаления роли Сибирского ханства; подчеркивается его подчиненное (по отношению к российской державе) положение.

Царство (ТВ) – **держав** (ОР, АВ, ЗР): *В лета <...> при державе благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, приидоша сии воины с Волги в Сибирь* (л. 81 об.).

XVII в. – это время укрепления самодержавия, утверждения абсолютизма в России. Именно в XVII в. (в 1625 г.) в царский титул включается слово *самодержец*. Не случайно поэтому в большинстве списков Есиповской летописи правление русского царя Ивана Васильевича (Ивана Грозного) называется державой. Употребление слова *царство* таило в себе некоторую двусмысленность, поскольку царством со времен Золотой Орды называли и ханскую власть.

Таким образом, анализ лексических замен, выявленных при пословном сопоставлении списков разных редакций Есиповской летописи, позволяет определить элементы всех уровней языковой личности русского книжника XVII в. Пока сделаны лишь первые «штрихи» к ее портрету. Более полное представление о языковой личности исследуемого периода можно получить при сравнении не только лексических различий, но и текстов в целом, поскольку редактирование разными авторами протографа заключалось здесь не только в бессознательной или сознательной замене отдельных слов, но и в целенаправленной стилистической переработке (в соответствии с определенными установками) всего первоначального текста.

На материале древних текстов возможно осуществление не только лингво-персонологического, но и коммуникативного подхода. Благоприятным материалом для такого рода исследований являются древние тексты, представляющие собой частную переписку. К их числу относятся знаменитые новгородские берестяные грамоты, открытие которых в начале 50-х гг. прошлого века имело огромное значение не только для отечественной медиевистики и русистики, как нового источника исторических и лингвистических знаний, но и для коммуникативистики. Обнаруженные на сегодняшний день более 1000 берестяных грамот XI – XV вв., подавляющее большинство которых представляют собой частные (бытовые) письма [Зализняк, 2004], неоспоримо свидетельствуют о том, «насколько рано в Новгородской земле (и, видимо, во всей средневековой Руси) укоренилось светское, мирское, собственно коммуникативное понятие письменного языка и собственно практическое употребление письма как графического средства общения» [Факкани, 2003, с. 226].

Учитывая результаты предшествующих исследований (прежде всего работы А.А. Зализняка, посвященные древненовгородскому диалекту, отраженному в берестяных грамотах, и их текстовой структуре), опираясь на собственные наблюдения, акцентируем некоторые возможности коммуникативного подхода к изучению новгородских берестяных грамот, которые до сих пор целенаправленно в данном аспекте, насколько нам известно, не рассматривались.

С точки зрения современной теории коммуникации берестяная переписка представляет собой вербальную коммуникацию в ее письменноречевой форме межличностного уровня. Как и в любом коммуникативном процессе, здесь возможно выделить следующие составляющие: источник сообщения (отправитель, адресант) с определенным коммуникативным намерением; сообщение, закодированное с помощью вербальных (графических) знаков; получатель сообщения (адресат); контекст (коммуникативная ситуация).

Представим названные элементы коммуникативного процесса, отраженные в исследуемом материале.

Прежде всего обращает на себя внимание разнообразие статусных ролей субъектов коммуникации посредством берестяных писем. Чаще всего в берестяной переписке состоят жители Великого Новгорода и ряда других древнерусских городов, находящиеся в тех или иных родственных отношениях (кровных и некровных, по прямой и боковой линии). Не менее частотны письма «складников» (купцов – компаньонов), бояр, ключников (управляющих) и крестьян своим господам, ремесленников и их заказчиков. Встречаются письма духовных лиц (священников, монахов). Несомненным показателем уровня культуры средневекового общества является активное участие в берестяной переписке женщин – авторов как деловых, так и интимно – любовных писем.

В соответствии с положениями теории коммуникации и лингвистической прагматики, иерархический статус коммуникантов обуславливает «их поведение в вербальной коммуникации, выбор речевой стратегии и языковых средств выражения своего намерения» [Темиргазина, 2002, с. 83]. В берестяных грамотах это находит выражение прежде всего в так называемой этикетной части берестяных писем. Текстовую структуру древнерусских писем на бересте подробно исследовал А.А. Зализняк, убедительно показавший, что главным фактором, влияющим на выбор адресной формулы (нейтральной, без изъявления почтения, и почтительной), является «соотношение корреспондентов в социальной иерархии или в иерархии родства <...>. При этом место в социальной иерархии оказывает большее влияние на выбор формулы, чем место в иерархии родства» [Зализняк, 1987, с. 154].

Значимыми для коммуникативного исследования берестяных грамот являются наблюдения А.А. Зализняка над характером речевых жанров, отраженных в берестяных письмах и представляющих намерения (интенции) коммуникантов. Это, во-первых, речевые жанры побудительные (просьба, приказ – распоряжение, совет) и, во-вторых, непобудительные (сообщение, жалоба, упрек, опровержение, отказ, угроза, обещание) [Зализняк, 1987, с. 161]. По нашим наблюдениям, в берестяных грамотах преобладают побудительные речевые жанры с иллокутивными функциями просьбы и приказа-распоряжения, для экспликации которых чаще всего используются предикативные синтагмы с императивом: *продавѣше дворъ идите же семо; присъли ми гривну; пришьлить лошакъ съ яковъцем[ъ]; даи ондрею рубль; купи ми зендяню добру* и т. п. Иногда можно наблюдать «скрытое» побуждение, выраженное в виде вопроса (косвенный речевой акт). Так, некая Настасья в письме к братьям сообщает о смерти своего мужа Бориса. Письмо заканчивается вопросом: *Какъ се з(с)до мною понецалуеи и моими детьми* («Как, господа, позаботитесь обо мне и о моих детях?»). В ряде случаев побудительная интенция пишущего подчеркивается употреблением слова *приказъ* – «наказ, распоряжение», входящего в адресную формулу письма. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в берестяных письмах перформативных глаголов. Объясняется это, видимо, тем, что, как считают специалисты в области лингвистической прагматики и теории речевых актов, «перформативные глаголы эксплицируют иллокутивную цель речевого акта в прототипической коммуникативной ситуации «я – ты – здесь – сейчас» [Там же, с. 77], т. е. в ситуации непосредственного общения со слушающим. Берестяные же письма, как письма вообще, представляют неканоническую коммуникативную ситуацию «с так называемым «отодвинутым фактором адресата» <...>. Для эпистолярной речи характерны координаты «я – ты – не здесь – не сейчас», поскольку говорящий и адресат не находятся в непосредственном контакте в момент речи, т.е. разделены в пространстве и времени» [Там же, с. 81].

А.В. Арциховский уже при первых находках берестяных грамот обратил внимание на то, что «речь в них не книжная и не канцелярская, а самая непринужденная». Благодаря исследованиям А.А. Зализняка стало ясно, что подавляющее большинство берестяных грамот написано на древненовгородском диалекте, отличавшемся от так называемого наддиалектного («стандартного») древнерусского языка целым комплексом фонетических и морфологических черт [Зализняк, 2003, с. 219–220]. А.А. Зализняку принадлежит и честь открытия отразившихся в берестяных грамотах бытовых графических систем, которые отличались от книжной характером употребления ряда букв (ѣ, ъ, о, е). «Бытовые графические системы, – подчеркивает исследователь, – никоим образом нельзя отождествлять с малограмотностью: это именно особые системы, использовавшиеся в иных социальных ситуациях, чем книжная система» [Зализняк, 2004, с. 20].

Оценивая коммуникативную ситуацию, отразившуюся в берестяной переписке, в целом, нельзя не отметить ее полное соответствие коммуникативным постулатам (правилам), изложенным Г.П. Грайсом в работе «Логика и речевое общение» [Грайс, 1985]. Берестяные письма, во-первых, лаконичны: «большинство полностью сохранившихся грамот не длиннее 20 слов» [Зализняк, 2004, с. 17] (таким образом, соблюдается постулат количества: «говори то, что важно»); во-вторых, они «прямодушны и искренни» [Зализняк, 1987, с. 181] (постулат качества, или истинности, запрещающий сообщать ложную информацию: «говори правду»); в-третьих, «авторы берестяных писем превосходно владеют техникой выделения темы: вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [Там же] (постулат релевантности: «не отклоняйся от темы, говори по существу»); в-четвертых, «построение писем таково, что смысловые связи между ходами почти всегда чрезвычайно ясны и четки» [Там же] (постулат способа, или ясности, требующий однозначности высказывания: «говори ясно» [Темиргазина, 2002, с. 85].

Таким образом, искусство письменного общения (письменноречевой коммуникации), как наглядно свидетельствует материал новгородских берестяных грамот, являлось важной (неотъемлемой) частью культурной жизни древнерусского общества. Находки берестяных грамот продолжают. Как считают специалисты, «по самым скромным подсчетам, только в культурном слое Новгорода хранится еще не менее 20 тысяч берестяных документов» [Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения, 2003, с. 11]. Данное обстоятельство ставит на вполне реальную почву возможность постановки вопроса о создании такой новой научной дисциплины, как историческая коммуникативистика.

Литература

- Аникин Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет». Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения (предисловие). М., 2003.
- Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. Языковая личность в историческом аспекте (опыт реконструкции) // Языковая семантика и образ мира. Казань, 1997. Т. 2.
- Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого как факт диахронии // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.
- Зализняк А.А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Зализняк А.А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003.
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект: 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995 – 2003 гг. М., 2004.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Михайлов А.В. Реконструкция древнерусского менталитета в диахронии (проблематика структуризации) // Языковая семантика и образ мира. Казань, 1997.
- Михайловская Н.Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI – XIV вв.: Нормативный аспект. М., 1980.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М., 1987. Ч. 1.
- Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): Дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
- Ростова А.Н. Языковое сознание в структуре языковой личности // Материалы международного съезда русистов в Красноярске. Красноярск, 1997. Т. I.
- Савельев В.С. О современных методах исследования древнерусского текста (на материале «Повести временных лет») // Филология и человек. 2009. № 1.
- СлРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1–26. М., 1976–2004.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. М., 1958.
- Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар, 2002.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-*) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993.
- Факкани Р. Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.